

УДК 81-119.087.5

**ЛЕКСЕМЫ РОДСТВЕННО-АНТРОПОНИМИЧЕСКОГО КОДА В
РАССКАЗЕ В.М. ШУКШИНА «СВОЯК СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ»**

С.А. Скуридина

*Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации
e-mail: saskuridina@yandex.ru*

Е.Н. Карташова

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
e-mail: elena.perceva.00@mail.ru*

Воронежский государственный технический университет (г. Воронеж, Россия)

Статья посвящена исследованию темы родственных связей и семейных отношений в рассказе В.М. Шукшина «Свояк Сергей Сергеевич», рассмотренной через лексемы родственного и антропонимического кодов, являющиеся смысловыми доминантами многих произведений писателя. С помощью терминов родства (свояк, жена, сын, отчим) и антропонимов (Сергей Сергеевич Неверов, Андрей Кочуганов, Соня, Роза) выстраивается система художественных образов персонажей, что способствует раскрытию авторского замысла.

Ключевые слова: *родственный код, термины родства, В.М. Шукшин, антропоним, ономастический код, «Свояк Сергей Сергеевич».*

Введение

Одна из ключевых семантических категорий языка и традиционной культуры обозначает специфику родственных связей, поскольку данный вид отношений был наиболее понятен в эпоху зарождения общества, и терминологически определяется как «термины родства», или «категория родства». В древнерусском социуме термины родства имели огромное значение, так как маркировали не только личные взаимоотношения внутри семьи, но и общественные роли каждого члена рода. Семья была основой социального устройства, и каждый термин имел четкое определение и значимость в рамках этой структуры. Разные виды родства – кровное, молочное, духовное – оказывали влияние на характер отношений между людьми: «В языке и народной культуре родство, трактуемое в связи с ключевыми понятиями жизненной силы, роста, воспроизводства (ср. *родить, рожать, урожай*), относится к высшим ценностям и охраняется системой предписаний и запретов, в том числе обычным правом (см. статьи древнейших славянских юридических сводов, как Русская Правда, Винодольский закон и др.). Нарушение «родового закона» (прежде всего запрета на брак между кровными родственниками) расценивалось как

великий грех и каралось как христианским, так и мифологическим судом» [Толстая 2009: 16].

Термины родства в настоящее время занимают важное место в русской лингвокультуре, отражая социальные нормы и особенности взаимодействия внутри семьи и по-прежнему составляя оппозицию «свой – чужой», которая является одной из основных бинарных оппозиций в лингвокультуре любого народа, и реализуют идентифицирующую функцию, становясь «заместителями имени в случае его незнания или незначимости в реальном коммуникативном акте» [Бугакова, Скуридина, Кузьминых 2024: 199].

К числу функций, выполняемых терминами родства, начиная с момента их возникновения, можно отнести следующие: укрепление социальных связей (лексемы, обозначающие родство, способствовали структурированию общества и, соответственно, поддержанию порядка, поскольку каждый знал свое место в иерархии и свои обязанности в семье в соответствии с уровнем родства); передача традиций и ценностей (термины родства обозначают роли членов семьи, например, для патриархата характерна главенствующее положение отца, который ответственен за защиту и обеспечение семьи, а мать занимается воспитанием детей и поддержанием домашнего очага); регулирование наследования (лексемы категории родства в настоящее время играют важную роль в определении права на наследство, что обеспечивает справедливое распределение ресурсов и предотвращает конфликты внутри семьи); формирование идентичности (родовые имена и титулы являлись важными элементами самоидентификации, показывая принадлежность человека к определенному роду и подчеркивали его родственную связь с предками); обеспечение защиты и поддержки членов семьи и организация быта и хозяйства в соответствии с уровнем родства, что позволяло эффективно управлять домашним хозяйством и обеспечивать достаток; сохранение памяти о предках и передача знаний следующим поколениям; создание и укрепление культурных традиций (термины родства были неотъемлемым элементом многих обрядов и ритуалов (свадьбы, похороны, крещение и др.), что способствовало формированию культурных ценностей).

Поскольку термины родства относятся к древнейшему общеславянскому фонду и являются доминантами, вокруг которых выстраивается картина мира русского человека, в художественных текстах лексемы, составляющие родственный код, являются неотъемлемыми единицами, способствующими раскрытию авторского замысла. Антропонимы как элементы ономастического кода в художественном тексте являются носителями разноплановой информации – автобиографической, историко-культурной, мифопоэтической,

хронотопической и т.д. [Скуридина 2022], понимание которой, безусловно, зависит от эрудиции читателя и его умения интерпретировать извлеченные смыслы.

Материалы и методы

Материалом исследования в настоящей работе являются термины родства и имена собственные в рассказе В.М. Шукшина «Свояк Сергей Сергеевич». В работе используются метод контекстуального анализа, метод интерпретации текста, метод компонентного анализа, текстологический анализ, метод лингвистического наблюдения и описания.

Результаты

Тема семьи – одна из ключевых в творчестве В.М. Шукшина, что обусловлено знаменательностью системы родственных отношений как наиболее значимого фрагмента индивидуально-авторской картины мира писателя. О.В. Тевс говорит «о существовании в творчестве художника глубокого символического подтекста, связанного с понятием семьи и семейных отношений» [Тевс 2001: 65]. В шукшинских произведениях часто встречаются названия, включающие термины родства, такие как «Жена мужа в Париж провожала», «Свояк Сергей Сергеевич», «Мой зять украл машину дров», «Брат мой» и другие [Скуридина, Карташова 2024]. Библионимы (названия произведений в терминологии Л.А. Климковой [Климкова 2020]) относятся к числу доминант, так как, предваряя текст, занимают сильную позицию и рассматриваются исследователями как «аббревиатура смысла» всего текста, как отражение собственно авторской интерпретации» [Николина 2003: 168]. В наших работах неоднократно рассматривались образы родственников в произведениях В.М. Шукшина, поскольку для него как выходца из деревни проблема взаимоотношений в семье была одной из значимых [Карташова 2016].

Рассказ «Свояк Сергей Сергеевич», повествующий о приезде родственников, начинается с терминов родства: «женина сестра с мужем», «сестру жены зовут Роза, мужа ее – Сергеем»; «сестры всплакнули» [Шукшин 1998: 29]. На протяжении всего рассказа автор настойчиво использует лексемы родственного кода, обозначающие как кровное родство, так и родство по браку: «свояки закурили», «свояк Сергей Сергеевич», «свояк Андрей», «жена Соня», «свояк любит», «брат в сельпо работал», «у ты же сын растет», «отчим сломал», «когда сестры вошли в избу, свояки чокались» [Шукшин 1998: 29, 30, 33]. Однако интересно, как меняется номинация героев рассказа: термин родства «свояк», вынесенный в заглавие, постепенно закрепляется только за Сергеем Сергеевичем, при этом герой утрачивает имя-отчество, а с Андреем Кочугановым происходит обратное: его автор называет по имени, а лексема «свояки» по отношению к двум персонажам перестает употребляться.

Несмотря на то что, фактически в рассказе два свояка, библионим указывает на персонажа, который находится в центре шукшинского повествования, – свояка Сергея Сергеевича. Термин свойственного родства *своjak* восходит к притяжательному местоимению *svojь* ‘свой’ – «зять, муж сестры жены» [Фасмер 1996 : 3 : 584], производное от индоевропейского местоименного корня **sue-* ‘свой’, которое является наиболее характерным названием свойства, так как определяет лица, породнившиеся через брак родичей, как свои. Лексема *своjak* полисемантична и может обозначать, во-первых, мужа сестры жены (своjченицы), во-вторых, человека, находящегося в родстве не по крови, а по свойству (то же, что и свойственник), в-третьих, использоваться в разговорном стиле по отношению к своему (близкому) человеку. Такой вид родства воспринимался как не очень надежный, что отразилось в пословице *Два брата – на медведя, два свояка – на кисель* [Даль 1995 : 4 : 154]. Думается, что В.М. Шукшин знал и другое значение лексемы *своjak*, возникшее на основе тюремного жаргона: *своjak* – жулик (вероятно, из *своjak* – кандидат в касту воров, который еще не признан на сходке воров в законе). Неслучайно в рассказе упоминается воровское прошлое Сергея Сергеевича: Андрея удивляет количество наколок на теле свояка, и он узнает, что четыре года он «тянул» за кражу двух тюков крепдешина, а сам себя *своjak* называет прозвищем: «Помни Серьгу Неверова» [Шукшин 1998: 35].

В деревне, где происходят события шукшинского рассказа, каждый человек занимает определенное место в социальной структуре, основанной на семейных связях. Термин *своjak* должен был подчеркнуть близость отношений между героями, хотя и связанных только через заключение брака с родными сестрами, однако в деревенской среде такие связи воспринимаются почти как кровные. Употребляемый во множественном числе термин *своjки* маркирует принадлежность героев к одной семье и способствует созданию ощущения важности родственных связей и семейных взаимоотношений, однако *своjки* в рассказе становятся антиподами, совершенно чужими друг другу людьми. Терминология родства в рассказе В.М. Шукшина отражает традиционные семейные ценности жителей русской деревни, в которой семья и взаимопомощь родным играют ключевую роль. Сергей Сергеевич, будучи городским человеком, оказывается чуждым миру деревенских обычаев и традиций с их уважением родственных связей.

В.М. Шукшин настойчиво проводит противопоставление героев, используя не только термины родства, но и антропонимы. Заявленный в названии по имени-отчеству Сергей Сергеевич превращается в Серьгу, фамилия которого содержит отрицательную частицу «не», намекающую на то, что *своjak* далеко не свой, да и верить ему нельзя (Неверов). На первый

взгляд кажется, что автор высмеивает прагматизм свояка Сергея Сергеевича, его хвастовство и лицемерие: «И опять гордость, высокомерие. Живого места нет на человеке – весь как лоскутное одеяло, и каждый лоскут кричит и хвалится» [Шукшин 1998 : 29]. Однако указание на то, что «живого места нет на человеке», последующий призыв Андрея «будь человеком», упоминание о том, что «проклятый мотор» «черт... подсунул, не иначе», а также финальные эпитеты «странный» и «необычный» свидетельствуют о том, что Сергей Сергеевич «чужой» и своим не стал. Показательно, что в бане, затопленной по-черному, свояку очень нравится, в отличие от Андрея, а, как известно, в народном сознании баня воспринимается как место обитания нечистой силы, банника называли крестьянским чертом, а баню – обиталищем чертей. Эпизод, когда свояк едет верхом на Андрее, – своеобразный «перевертыш» эпизода из повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством», в которой Вакула путешествует верхом на черте.

На уровне ономастического кода противопоставляются не только свояки, но и сестры: жена Андрея называется в рассказе только диминутивным именем *Соня*, тогда как ее сестра – полным именем *Роза* или пейоративным именем *Розка*. При упоминании Сони постоянно употребляется термин родства *жена* (жена Соня), в отношении Розы термин брачного родства не используется, зато Сергей в разговоре с Андреем называет свою жену *сукой*: «Она мне, сука, устроит отдых...» [Шукшин 1998: 33]. Лексема *сука* уже в словаре В.И. Даля маркируется как бранное: «негодная женщина, особ. наушница, сплетница» [Даль 1995 : 4 : 357], а в современном русском языке сука – разг.-сниж. похотливая легкомысленная женщина [Кузнецов <http>]. Называя так жену, Сергей Сергеевич, не задумываясь, выставляет себя в образе роконосца (см. подробно: [Ковалев 2021: 178]). Так, Роза – царица цветов – превращается в речи своего мужа в похотливую девку. Синонимичную лексему *стерва* (распутная женщина, ведущая беспорядочную жизнь) употребляет и Андрей, однако по отношению к неживому предмету – лодочному мотору, подаренному свояком: «Стерва металлическая...» [Шукшин 1998 : 35].

Имя свояка *Сергей* происходит от римского родового имени *Sergius*, значение которого в переводе с латинского означает «высокий», «высокочтимый» [Суперанская 1998 : 294]. В контексте произведения обыгрывается противоречие между внешним желанием героя показать свою значимость («У нас отпуск большой, мы же – льготники. – И опять гордость, высокомерие» [Шукшин 1998 : 29]) и внутренней пустотой, мелочностью. В отличие от Андрея, свояка Сергея В.М. Шукшин наделяет отчеством, дублирующим имя, что, безусловно, является авторским знаком привлечения внимания читателя к значимости родовой связи. Однако оказывается, что воспитывался Сергей Сергеевич не отцом, а отчимом, к

которому он не испытывает уважения: «Ты знаешь, как мы его с братом катали, когда подросли? Как хотели... Бывало, подойду, о так от – рраз!» [Шукшин 1998: 33]. Андрей, выросший в деревне, где к старшим принято относится с почтением, осуждает свояка за такое отношение к отчиму: «Два молодых оглоеда – на старого человека, – сказал Андрей» [Шукшин 1998: 33]. Рассказ Сергея Сергеевича о том, как к ним с братом относился отчим, остается незаконченным, поскольку прерывается ремаркой автора: «Ты же не знаешь, как он нас молотил! Ты же...». В это время в сенях стукнула дверь – свояк вскочил с пола и быстро-быстро заговорил» [Шукшин 1998: 33].

Сергей Сергеевич является пасынком, хотя данная лексема в тексте рассказа не встречается (пасынок – «не родной, одному из супругов сын; так сын о первого брака, приведенный ко второму браку, будет второму супругу пасынок» [Даль 1995: 3: 24]). Термины *отчим* и *пасынок* относятся к понятию «заместительное родство», нередко в семьях отчима называют отцом, однако из речи Сергея Сергеевича ясно, что родными они друг другу не стали.

Показательно, что нарушает Сергей Сергеевич не только принципы заместительного, но и кровного родства, когда на допросе вместо того, чтобы взять вину на себя и спасти брата, называет его не только своим сообщником, но и главным организатором дела, в результате чего «вломили» «брату семь... Не посмотрели на его ордена. У него орденов двенадцать штук было. С медалями» [Шукшин 1998: 31]. Осуждает отношение свояка к родным печь, находящаяся в бане: «Каменка зло фыркнула, крутой, яростный пар клубом ударил в потолок, оттуда кинулся вниз...» [Шукшин 1998: 31].

Пренебрежение родственными отношениями проявляется и в том, что свояк Сергей Сергеевич предпочитает отдыхать в санаториях, которые замещают дом: «Я говорил своей: поедем в Ялту! Нет, говорит, домой охота. Ну, поедем домой, если такой нетерпеж. Я, как правило, в Ялте отдыхаю» [Шукшин 1998: 30]. Дом, в котором живет Андрей с женой Соней, является родным домом сестрам, но за время супружества он становится родным и Андрею, в этом доме у него рождается сын, который является продолжением рода. О родном доме Сергея Сергеевича ничего не говорится, и детей у них с Розой нет.

Имя *Андрей* означает «мужчина», а в широком смысле может толковаться как человек. В Андрее на протяжении всего повествования подчеркивается мужское: «он грустно гудел», тогда как «запевал свояк тонким, дрожащим голосом...» [Шукшин 1998: 34], его поступки не расходятся с делами – пообещав: «Еще раз обзовешь... вот видал? Сразу между глаз закатаю» [Шукшин 1998: 33], – он тут же реализует угрозу. Фамилия *Кочуганов* восходит к названию божества у представителей

алтайской народности кумандинцев «Коча-кан – мифическая личность, эротическое божество, символ плодородия» [Сатлаев 1971: 131]. Подготовка к празднику, посвященному божеству Коча-кану, была связана с изготовлением браги (позо) из ячменя нового урожая [Сатлаев 1971: 132]. Андрей в шукшинском рассказе имеет непосредственное отношение к новому урожаю, поэтому он и противопоставляет комбайн телевизору, который настоятельно советует приобрести ему свояк, причем из дальнейшей его реплики становится понятно, что с появлением телевизора прекратится связь его рода с урожаем и плодородием: «Но телевизор-то – это же первая необходимость! У ты же сын растет: вместо того чтобы огороды шерстить по вечерам, он будет телевизор смотреть» [Шукшин 1998: 33].

Возвращаясь к традиции чествования Коча-кана, с которым Андрей соотносится на антропонимическом уровне, отметим, что изготовлением позо из ячменя могли заниматься мужчины и женщины, но только одного рода. Поскольку на производство позо уходило много зерна, то участвовали все родственники, внося свой пай: «Следовательно, на общественное приготовление позо затрачивался не только коллективный труд мужчин рода, но и коллективный продукт рода. Кропление позо производилось родовому божеству и духу-покровителю семьи» с целью выпрашивания благополучной жизни, большого урожая и приплода скоту [Сатлаев 1971: 134]. Автор, собирая за одним столом в доме сестер всю семью, имитирует, видимо, известное ему ритуальное пиршество, на котором обычно представлялось своеобразное хоровое пение, когда каждая группа поющих старается перепеть другую [Сатлаев 1971: 139]: «Скоро все четверо дружно пели за столом. Запевал свояк тонким, дрожащим голосом... И при этом закрывал глаза и мелко тряс головой» [Шукшин 1998: 34]. В шукшинском рассказе не показан процесс приготовления «калгановой», но она противопоставляется шампанскому, о котором жители деревни даже и не знают, поэтому продавец в магазине неправильно произносит это слово: «шаньпанскыва» [Шукшин 1998: 30].

«Калгановая», неоднократно упоминаемая в тексте, – это настойка, для изготовления которой используется корень лапчатки прямостоячей, называемый в народе калганов корень, обладающий разными полезными свойствами, одно из которых – улучшение потенции, поэтому, полагаем, неслучайно «отпаивание» бездетного свояка таким целебным напитком. Символичным в данном случае является и совет Андрея, «как отдохнуть», – «рыбачь ходи...», так как рыба – это символ плодородия, которое в народном сознании связано и с человеком, поскольку главная цель – это продолжение рода, а Сергей Сергеич рыбой удобряет огород, чем удивляет Андрея. Рыбы в реке в деревне Андрея водятся мало, поэтому нужно приложить усилия, чтобы ее поймать, тогда как Сергей Сергеич по

полмешка привозит с озер: «Розка не знает, куда девать. И жарит, и солит, и уха идет... Но в основном огород удобряем» [Шукшин 1998: 31]. Лук, выращиваемый на удобряемой рыбой земле, по словам свояка, «аж сладкий, гад» – «ни у кого в поселке такого лука нет» [Шукшин 1998: 31], однако у Андрея лука много и без удобрения огорода рыбой («Вон у меня лук репчатый есть – целые вязанки висят...» [Шукшин 1998: 33]), что, безусловно, связано с его предназначением быть хранителем и продолжателем рода. Лук семантически связан с рыбой, поскольку тоже имеет символику плодородия.

В христианской традиции рыба – «раннехристианский символ Иисуса Христа. Буквы греческого слова «рыба» («*ichthys*») образуют акроним слов «Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель. <...> Евангельские тексты подчеркивают этот символизм: упоминается о чудесной ловле рыбы, в которой принимал участие Иисус; сам Иисус проводит аналогию между ловлей рыбы и обращением людей в новую веру» [Тресиддер, URL]. Баня, которую предлагает затопить Андрей и которая является в народных представлениях обиталищем нечисти, становится местом выведения героев на чистую воду. Неслучайно Сергей Сергеич просит натаскать воды побольше, а потом тазами льет на себя воду [Шукшин 1998: 30]. Дом Андрея стоит на реке, а река, в отличие от озера со стоячей водой, с одной стороны, является символом чистоты и непорочности, с другой, – символом жизненных изменений. В дом к Андрею и Соне приезжает свояк с женой, которые искушают хозяев яркими («Мне два платка вот таких – цветастые, с тистями, платье атласное, две скатерки, тоже с тистями...» [Шукшин 1998: 30]) и дорогими вещами (телевизор, машина, лодочный мотор), в результате чего Соня начинает говорить «восторженно и с каким-то святым благоговением» [Шукшин 1998: 30].

Андрей отмечает в конце рассказа, что свояк «снова наладился на тот тон, с каким приехал вчера. Станный он все-таки человек... Можно сказать, необычный» [Шукшин 1998: 35]. Таким образом, констатируется отсутствие изменений в образе Сергея Сергеевича, смягчается оценка его поведения в восприятии Андрея, с которым как раз и происходят изменения: «Да черт с ним, что прокатил на спине! Что, действительно, трудно, что ли? Зато теперь – с мотором, будь он проклят» [Шукшин 1998: 35]. Показательно, что после выходки свояка «Андрей пошел в дом, пинком расхлобыстнул дверь...» [Шукшин 1998: 35] – меняется его отношение к дому, о чем свидетельствует просторечный глагол с оценочной семантикой и поставленное автором многоточие. Дом это не просто материальный объект: как указывает А.К. Байбурин, «в доме существуют человек и вселенная», «дом может быть «развернут» в мир и «свернут» в человека» [Байбурин 1983: 11], дом и семья являются неделимым целым. Неслучайно мотор, который дарит свояк Андрею,

символично лежит на плахе, как будто является жертвоприношением в надежде на обретение лучшей жизни. Меняется и Соня, которая, хотя и по-прежнему «суетилась в кути», была «довольная сверх всякой меры» [Шукшин 1998: 35], автор изображает ее не рядом с Андреем, а со свояком, чему способствует синтаксическая конструкция с согласованным адъективом во множественном числе, стоящим после определяемых слов: «Свояк и Соня засмеялись, довольные» [Шукшин 1998: 35]. Значимым является тост, предлагаемый свояком, – «с обновкой» [Шукшин 1998: 35].

Заключение

Как видим, с помощью антропонимов и терминов родства В.М. Шукшин выстраивает единую модель мира, в центре которой – человек, связанный с окружающей действительностью разными видами родства. Концепция родственно-антропонимического кода становится ключом к пониманию рассказа с его многослойностью смыслов. Родственно-антропонимический код, транслируемый писателем с помощью семантически значимых лексем, отражает внутренние переживания героев, их ценности и мировоззрение, которые меняются к концу рассказа. Имена собственные и термины родства выступают в творческой лаборатории писателя инструментом, позволяющим глубже проникнуть в суть человеческой природы.

Библиографический список

Бугакова Н.Б., Скуридина С.А., Кузьминых Е.О. Антропонимикон и термины родства в рассказе А. Платонова «Никита» // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2024. Т. 43. № 2. С. 199-205.

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: «Наука», 1983. 191 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. М.: Терра, 1995.

Карташова Е.Н. Мать, теща, свекровь: особенности вербализация образа родной/чужой матери в прозе В.М. Шукшина // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы III Международной научной конференции. Воронеж, 2022. С. 49-53.

Карташова Е.Н. Образ тещи в произведениях В.М. Шукшина // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 2 (21). С. 114-118.

Климкова Л.А. Библионимы в лирике С.А. Есенина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. №3 (38). С. 17-27.

Ковалев Г.Ф. Русский мат как часть национального достояния // Российский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 3. С. 175-196.

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Авторская редакция, 2000. 1536 с. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (дата обращения: 15.01.2025).

Николина Н.А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 195 с.

Сатлаев Ф.А. Коча-кан – старинный обряд испрашивания плодородия у кумандинцев // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971 (Сборник Музея антропологии и этнографии; т. 27). С. 130-141.

Скуридина С.А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского. Воронеж, 2022. 341 с.

Скуридина С.А., Карташова Е.Н. Библионимы в творчестве В.М. Шукшина // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2024. № 2 (53). С. 271-279 [Электронный ресурс]. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/5361/ (дата обращения 15.02.2024).

Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. 528 с.

Тевс О.В. Во главе – отец // Известия Алтайского государственного университета. 2001. № 4 (22). С. 65-67.

Толстая С.М. Категория родства в этнолингвистической перспективе // Категория родства в языке и культуре. Под ред. С.М. Толстой. М.: Индрик, 2009. С. 7-22.

Тресиддер, Дж. Словарь символов; пер. с англ. С. Палько. М.: Гранд:ФАИР-Пресс, 1999. 443с. [Электронный ресурс]. URL: <https://itexts.net/avtor-dzhek-tresidder/69818-slovar-simvolov-dzhek-tresidder/read/page-17.html> (дата обращения 16.01.2025).

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х тт. Т. 3. М. Фасмер. СПб.: Терра – Азбука, 1996. 864 с.

Шушкин В.М. Собрание сочинений: в 6 книгах. Книга 2. М.: Изд-во «Надежда-1», 1998. 512 с.

References

Bugakova N.B., Skuridina S.A., Kuz'miny`x E.O. Antroponimikon i terminy` rodstva v rasskaze A. Platonova «Nikita» // Voprosy` zhurnalistiki, pedagogiki, yazy`koznaniya. 2024. T. 43. № 2. S. 199-205.

Bajburin A.K. Zhilishhe v obryadax i predstavleniyax vostochny`x slavyan. L.: «Nauka», 1983. 191 с.

Dal` V.I. Tolkovy`j slovar` zhivogo velikoruskogo yazy`ka: v 4 t. M.: Terra, 1995.

Kartashova E.N. Mat`, teshha, svekrov`: osobennosti verbalizaciya obraza rodnoj/chuzhoj materi v proze V.M. Shukshina // Lingvokul`turny`e universalii v mirovom prostranstve. Materialy` III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Voronezh, 2022. S. 49-53.

Kartashova E.N. Obraz teshhi v proizvedeniyax V.M. Shukshina // Nauchny`j vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel`nogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul`turnaya kommunikaciya. 2016. № 2 (21). S. 114-118.

Klimkova L.A. Biblionimy` v lirike S.A. Esenina // Aktual`ny`e voprosy` sovremennoj filologii i zhurnalistiki. 2020. №3 (38). S. 17-27.

Kovalev G.F. Russkij mat kak chast` nacional'nogo dostoyaniya // Rossijskij gumanitarny`j zhurnal. 2021. T. 10. № 3. S. 175-196.

Kuznecov S.A. Bol`shoj tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka. Avtorskaya redakciya, 2000. 1536 с. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (data obrashheniya - 15.01.2025).

Nikolina N.A. Filologicheskij analiz teksta: ucheb. posobie dlya stud. vy`ssh. ped. ucheb. zavedenij. M.: Izdatel`skij centr «Akademiya», 2003. 195 s.

Satlaev F.A. Kocha-kan – starinny`j obryad isprashivaniya plodorodiya u kumandincev // Religiozny`e predstavleniya i obryady` narodov Sibiri v XIX – nachale XX veka. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1971 (Sbornik Muzeya antropologii i e`tnografii; t. 27). S. 130-141.

Skuridina S.A. Onomasticheskiy kod xudozhestvenny`x tekstov F.M. Dostoevskogo. Voronezh, 2022. 341 s.

Skuridina S.A., Kartashova E.N. Bibliionimy` v tvorchestve V.M. Shukshina // Teoriya yazy`ka i mezhkul`turnaya kommunikaciya. 2024. № 2 (53). S. 271-279. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/5361/ (data obrashheniya - 15.02.2024).

Superanskaya A.V. Slovar` russkix lichny`x imen. M.: OOO «Firma «Izdatel`stvo AST», 1998. 528 s.

Tevs O.V. Vo glave – otec // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2001. № 4 (22). S. 65-67.

Tolstaya S.M. Kategoriya rodstva v e`tnolingvističeskoj perspektive // Kategoriya rodstva v yazy`ke i kul`ture. Pod red. S.M. Tolstoj. Moskva, Indrik: 7-22.

Tresidder, Dzh. Slovar` simvolov; per. s angl. S. Pal`ko. M.: Grand:FAIR-Press, 1999. 443s. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://itexts.net/avtor-dzhek-tresidder/69818-slovar-simvolov-dzhek-tresidder/read/page-17.html> (data obrashheniya 16.01.2025).

Fasmer M. E`timologičeskij slovar` russkogo yazy`ka: v 4-x tt. T. 3. M. Fasmer. SPb.: Terra – Azbuka, 1996. 864 s.

Shukshin V.M. Sobranie sochinenij: v 6 knigax. Kniga 2. M.: Izd-vo «Nadezhda-1», 1998. 512 s.

UDC 81-119.087.5

LEXEMES OF THE FAMILY-ANTHROPONYMIC CODE IN V.M. SHUKSHIN'S SHORT STORY "SERGEY SERGEEVICH'S BROTHER-IN-LAW"

S.A. Skuridina

*Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Russian Language and Intercultural Communication
e-mail: saskuridina@yandex.ru*

E.N. Kartashova

*Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural
Communication
e-mail: elena.perceva.00@mail.ru*

Voronezh State Technical University (Voronezh, Russia)

The article is devoted to the study of the topic of kinship and family relations in V.M. Shukshin's short story "Sergey Sergeevich's Brother-in-Law", considered through the lexemes of kinship and anthroponymic codes, which are semantic dominants of many of the writer's works. With the help of kinship terms (brother-in-law, wife, son, stepfather) and anthroponyms (Sergey Sergeevich Neverov, Andrey Kochuganov, Sonya, Rosa), a system of artistic images of characters is built, which helps to reveal the author's intention.

Keywords: *kinship code, kinship terms, V.M. Shukshin, anthroponym, onomastic code, "Sergey Sergeevich's brother-in-law".*